

илюстрированное
ПОЛНОЕ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
М. Ю.
ЛЕРМОНТОВА

Редакція
В. В. Каллаша.

ТОМЪ III.

МОСКВА,
Печатникъ,

Очеркъ внутренней жизни Лермонтова по его произведеніямъ.

(психологическій этюдъ.)

Почти все писанное Лермонтовымъ имѣетъ автобіографическое значеніе.

Пав. Висковатый.

Вѣрнѣйшее изображеніе личности Лермонтова все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ казаться.

Боденштедтъ.

Свѣдѣнія наши объ обстоятельствахъ жизни Лермонтова крайне скудны и сбивчивы. По нимъ мы можемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ воспроизвести его біографію. Но зато мы имѣемъ передъ собою его произведенія, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразилась его внутренняя жизнь съ тринадцатилѣтняго возраста и до самой смерти. Всѣ эти произведенія проникнуты тяжелымъ, горькимъ чувствомъ, что и заставляло его говорить о своихъ стихахъ:

„Я ихъ отъ сердца отрываю,
Чтобъ муки съ ними оторвать!“

Однако въ этихъ полныхъ глубокаго горя произведеніяхъ постоянно проскальзываетъ воспоминаніе о другомъ, болѣе раннемъ времени, бывшемъ до начала его творческой дѣятельности и являвшемся для него въ послѣдствіи тѣмъ же, чѣмъ являлось для Демона то время,

„Когда онъ вѣрилъ и любилъ,
Счастливый первенецъ творенья,
Не зналъ ни злобы, ни сомнѣнья,
И не грозилъ уму его
Вѣковъ безплодныхъ рядъ унылый“.

Этимъ временемъ, этимъ потеряннымъ раемъ было для Лермонтова его дѣтство. Даже тогда, когда онъ, окончательно разочаровавшись въ жизни, говорилъ про нее, что „она, безспорно, скверное наслѣдство“, онъ все-таки исключалъ изъ этого опредѣленія „два-три дня,

да *дѣтство*“. Среди свѣтскаго шума, когда вокругъ него мелькали такъ ненавистные ему „образы бездушные людей—приличьемъ стянутыя маски“, онъ любилъ уноситься въ своемъ воображеніи къ тому періоду, когда онъ былъ ребенкомъ, и память объ этихъ дняхъ, говоритъ онъ:

. . . . . „жива понынѣ
Подъ бурей тягостныхъ сомнѣній и страстей,
Какъ свѣжій островокъ безвредно средь морей
Цвѣтеть на влажной ихъ пустынѣ“.

Беззаботный дѣтскій возрастъ является для большинства людей самымъ отраднымъ воспоминаніемъ во время „тягостныхъ сомнѣній и страстей“. Но для Лермонтова этотъ возрастъ былъ не періодомъ спокойнаго, полубезсознательнаго существованія, а, напротивъ того, такимъ временемъ, о которомъ онъ вспоминалъ въ послѣдствіи, какъ о самомъ выдающемся по богатству внутренней жизни. Не имѣя сверстниковъ, будучи окруженъ постоянно взрослыми и проведя вслѣдствіе тяжелой болѣзни долгое время въ постели, онъ преждевременно развился, привыкъ сосредоточиваться въ себѣ самомъ и жить въ своемъ воображеніи. Въ это время, говоря его словами,

„Онъ началъ думать, строить міръ воздушный
И въ немъ терялся мыслию послушной“.

Онъ весь погрузился въ этотъ созданный его воображеніемъ „воздушный міръ“ и жилъ въ немъ всѣмъ своимъ существомъ:

„Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнью иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О нѣтъ, все было адъ иль небо въ нихъ!“

Это былъ тотъ періодъ, когда Лермонтовъ, не стѣсняемый окружающею его дѣйствительностью, создалъ своей творческой фантазіей грандіозную жизнь, въ которой онъ въ краткій часъ переживалъ вѣка и имѣлъ дѣло только съ величавыми образами неба или ада. Весь міръ населенъ былъ его воображеніемъ существами, изъ которыхъ одни были олицетвореніемъ добра, другія—зла. Какъ первыя возбуждали въ немъ полную и сильную любовь, такъ вторыя—такую же полную и безусловную ненависть. Жизнь, въ которую ему предстояло вступить, являлась передъ нимъ въ очаровательно-розовомъ свѣтѣ и непреодолимо влекла его къ себѣ. Ему хотѣлось скорѣе проникнуть въ самую суть этой жизни, познать душу человѣческую. Въ своей драмѣ „Люди и страсти“ въ уста Юрія, въ лицѣ котораго онъ несомнѣнно изображаетъ себя, онъ вкладываетъ слѣдующія слова: „Помнишь ли, какъ нетерпѣливо я старался узнавать сердце человѣческое, какъ пламенно я любилъ

природу, какъ твореніе человѣчества было прекрасно въ ослѣплен-ныхъ глазахъ моихъ“.

Когда окончился у Лермонтова этотъ періодъ радужныхъ надеждъ, мы точно опредѣлить не можемъ. Несомнѣнно только, что къ тринадцати годамъ, т.-е. къ тому времени, съ котораго мы имѣемъ его произведенія, онъ уже успѣлъ увидать, что созданный его воображеніемъ міръ не соотвѣтствуетъ дѣйствительному; настоящая жизнь, съ которой ему пришлось ближе столкнуться, пошатнула сложившееся въ его дѣтскомъ умѣ представленіе о жизни, и оно рухнуло, какъ непрочно построенное зданіе отъ напора сильнаго вѣтра:

„Въ умѣ своемъ я создалъ міръ иной,
И образовъ иныхъ существованье,
И цѣпью ихъ связалъ между собой;
Я далъ имъ видъ, но не далъ имъ названья;
Вдругъ зимнихъ бурь раздался грозный вой,
И рушилось невѣрное созданье!“

Послѣ жизни, созданной его воображеніемъ, гдѣ всѣ образы его „не походили на существъ земныхъ“, а „все было адъ иль небо въ нихъ“, дѣйствительная обыденная жизнь, окружавшая его, должна была показаться ему мелкой, ничтожной, лишенной интереса, жалкой карикатурой на то, чего онъ ожидалъ. „Я вступилъ въ эту жизнь“, говоритъ онъ, „переживъ ее уже мысленно, и мнѣ стало скучно и гадко, какъ тому, кто читаетъ дурное подражаніе давно ему извѣстной книгѣ“.

Но, кромѣ этого разочарованія въ окружавшей его жизни, показавшейся ему слишкомъ мелочной, скучной и сѣренькой, можно прослѣдить, какъ постепенно образуется у него разочарованіе и въ людяхъ, создающихъ эту жизнь. Чтобы понять причины этого разочарованія, намъ надо имѣть въ виду, что, вступая въ жизнь съ радужными грезами и большими ожиданіями, Лермонтовъ на первыхъ же порахъ столкнулся съ обратной стороной ея.

Послѣ смерти своей матери, двухлѣтнимъ мальчикомъ, онъ былъ взятъ на воспитаніе бабушкой, Елизаветой Алексѣевной Арсеньевой, которая была въ постоянной враждѣ съ его отцомъ. Первые годы, пока онъ былъ еще совсѣмъ ребенкомъ, эта вражда между самыми близкими для него людьми не могла на немъ отражаться; но чѣмъ старше онъ становился, тѣмъ больше ему приходилось съ ней считаться. Между тѣмъ отношенія бабушки и отца все болѣе и болѣе обострялись, особенно благодаря тому, что Арсеньева, привязавшаяся къ внуку, постоянно боялась, что отецъ возьметъ его къ себѣ. Происходившіе вслѣдствіе этого домашніе раздоры очень скоро заставили Лермонтова подумать о многомъ, о чемъ при иныхъ условіяхъ онъ, быть можетъ, подумалъ бы гораздо позже. Это мы ясно можемъ видѣть изъ его юношескихъ драмъ, въ которыхъ онъ густыми красками рисуетъ передъ нами картину семейныхъ неурядицъ и то тяжелое, безвыходное положеніе, въ которомъ онъ тогда на-

ходился. Драмы эти дают намъ возможность прослѣдить, какъ постепенно образуется у него разочарованіе въ самыхъ близкихъ для него людяхъ.

Видя любовь къ себѣ со стороны бабушки, видя ту нѣжную заботливость, которою она его окружала, онъ съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ смотрѣть на нее, какъ на осуществленіе того идеала человѣка, который созданъ въ его воображеніи. То же самое было и по отношенію къ отцу. Поэтому онъ и любилъ ихъ вначалѣ такъ, какъ можетъ только любить человѣкъ, не замѣчающій никакихъ недостатковъ въ предметѣ своей любви. Но когда онъ началъ замѣчать вражду между этими двумя любимыми имъ существами и дурные поступки ихъ по отношенію другъ къ другу, огорченію его не было границъ, и у него невольно возникалъ вопросъ, дѣйствительно ли они такъ хороши, какъ ему казалось это прежде. Этотъ вопросъ дѣлался еще болѣе неотвязчивымъ, когда онъ замѣчалъ, что и по отношенію къ нему они руководятся не тою любовью, при которой человѣкъ дѣйствительно заботится о счастіи любимаго имъ существа, даже съ пожертвованіями для себя лично, а тою, при которой онъ смотритъ на предметъ своей любви, какъ на источникъ личныхъ удовольствій, и заботится о немъ только потому, что боится его потерять. „Они думаютъ“, говоритъ Владиміръ въ драмѣ „Странный человѣкъ“, „что я созданъ для удовлетворенія ихъ прихотей, что я—средство для достиженія ихъ глупыхъ цѣлей“. Въ другой драмѣ „Люди и страсти“, въ которой семейные раздоры играютъ такую же важную роль, Юрій восклицаетъ: „Всемогущій Боже, Ты видѣлъ, что я старался всегда прекратить эти распри... зачѣмъ же все это рушится на голову мою? Я здѣсь—какъ добыча, раздираемая двумя побѣдителями, и каждый хочетъ обладать ею...“

Понятно, что такого рода мысли въ концѣ концовъ должны были привести его къ отрицательному отвѣту на возникшій у него вопросъ, т.-е. къ признанію того, что онъ ошибался, считая бабушку и отца осуществленіемъ того идеала добра, который созданъ въ его воображеніи.

Люди часто, замѣтивши хотя одинъ недостатокъ въ человѣкѣ, въ которомъ прежде видѣли только одно хорошее, склонны дѣлаются видѣть въ немъ потомъ только одно дурное. Эта общая до нѣкоторой степени всѣмъ черта особенно свойственна была Лермонтову, въ дѣтскихъ образахъ котораго были только или небо, или прямо противоположный ему адъ. Понятно поэтому, что признаніе дурныхъ мотивовъ въ поступкахъ отца и бабушки должно было у него повлечь за собою не только отрицаніе вѣрности прежняго мнѣнія о нихъ, но и признаніе противоположнаго, т.-е. того, что они дурны, безусловно дурны. Это же признаніе вызывало въ немъ такую же злобу противъ нихъ, какую вызывали въ немъ и воображаемые имъ образы ада. Ошибочно было бы думать, что онъ когда-нибудь пришелъ окончательно и твердо къ такому взгляду на отца

Воспѣтыя Лермонтовымъ. I.

П. А. Бартенева.

и бабушку, и что у него чувство любви къ нимъ замѣнилось постояннымъ чувствомъ ненависти. Это было скорѣе инстинктивное движеніе души, вызывавшееся особенно рѣзкими проявленіями ихъ эгоизма и смѣнявшееся возвращеніемъ прежняго мнѣнія о нихъ и прежней любви къ нимъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ замѣчалъ въ ихъ поступкахъ проявленіе дѣйствительно нравственныхъ мотивовъ.

Такимъ образомъ, во время семейныхъ неурядицъ онъ былъ въ постоянномъ колебаніи между очарованіемъ и любовью, разочарованіемъ и ненавистью къ нимъ. Насколько тяжело было положеніе его въ это время, мы видимъ изъ того, что мысль о самоубійствѣ рѣзко выступаетъ во всѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ онъ изображаетъ передъ нами картину своей жизни за это время. Смерть отца прекратила такъ тяжело отражавшуюся на Лермонтовѣ семейную драму, но въ то же время заставила его пережить очень горькія минуты, такъ какъ онъ сознавалъ, что, хотя и противъ своей воли, былъ все-таки часто причиной многихъ огорченій отца, огор-

чений, которыя теперь уже не могли быть ничѣмъ искуплены. Какъ бы оправдываясь передъ своею совѣстью, онъ говоритъ:

. . . . . „Я ль виновенъ въ томъ,
 Что люди угасить въ душѣ моей хотѣли
 Огонь божественный, отъ самой колыбели
 Горѣвшій въ ней, оправданный Творцомъ?
 Однако жъ тщетны были ихъ желанья:
 Мы не нашли вражды одинъ въ другомъ,
 Хоть оба стали жертвою страданья!“

Столкновеніе Лермонтова съ дѣйствительной жизнью не ограничивалось, конечно, семейнымъ кругомъ. Въ годы своей юности онъ былъ очень общителенъ; потребность въ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ была у него сильно развита. Поэтому какъ въ юношескихъ драмахъ, такъ и въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ мы видимъ ясныя доказательства того, что дружба и любовь играли для него въ этотъ ранній періодъ очень важную роль въ жизни. Но въ то же время мы видимъ, что и здѣсь онъ не находитъ себѣ удовлетворенія, разочаровывается въ своихъ ожиданіяхъ и выносить одно горькое чувство. Вступая въ близкія отношенія съ людьми съ надеждой встрѣтить въ нихъ только одно хорошее, онъ и не могъ не разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что самыя огорченія, испытываемыя имъ вслѣдствіе семейныхъ обстоятельствъ, заставляли его еще съ большею горячностью и силою привязываться къ постороннимъ симпатичнымъ для него людямъ, а самая сила привязанности дѣлала его въ высшей степени требовательнымъ; слѣдствіемъ же этой требовательности была, конечно, неудовлетворенность, вызывавшая разочарованіе и раздраженіе за обманутыя ожиданія. Поэтому въ юношескихъ драмахъ Лермонтова рядомъ съ изображеніемъ разочарованія въ отцѣ и бабушкѣ мы постоянно находимъ изображеніе разочарованія его въ друзьяхъ и въ тѣхъ дѣвушкахъ, въ которыхъ онъ влюблялся.

Таковы были для Лермонтова результаты болѣе близкаго знакомства съ отдѣльными людьми, къ которымъ онъ вначалѣ безсознательно и сильно привязывался и въ которыхъ надѣялся найти осуществленіе своихъ идеаловъ. Не лучшіе результаты были для него и отъ общаго знакомства съ окружавшимъ его обществомъ, съ которымъ ему приходилось встрѣчаться въ гостиныхъ тѣхъ аристократическихъ домовъ, въ которыхъ бывала его родовитая бабушка.

Обыденная изо дня въ день тянущаяся жизнь, со всѣми ея дрязгами и сплетнями, ссорами и раздорами, была невыносимо скучна для впечатлительнаго, живого, искавшаго выхода своимъ силамъ Лермонтова. Блескъ, шумъ, оживленные свѣтскіе разговоры, игра въ самолюбіе и любовь—всѣ эти обычныя черты жизни въ гостиныхъ привлекали его къ себѣ, давая возможность выйти изъ той мучительно-однообразной и скучной жизни, которую ему приходилось

вести въ тѣсномъ семейномъ кругу. Но, вступивши въ этотъ свѣтъ и поближе узнавши его, онъ увидаль всю его суетность, ничтожность и пустоту; онъ убѣдился, что это только блестящая маска, за которой скрывается жалкая развращающая душу дѣйствительность:

„Но свѣтъ чего не уничтожить,
Что благородное снесетъ,
Какую душу не сожжетъ,
Чье самолюбье не умножить,
И чьихъ не обольститъ очей
Нарядной маскою своей?“

Такъ говоритъ пятнадцатилѣтній Лермонтовъ. Въ другомъ стихотвореніи того же года онъ еще болѣе рѣзко высказываетъ свое мнѣніе объ этомъ обольщающемъ „нарядной маскою своей свѣтъ“:

. . . . . „Передо мной
Блеститъ надменный, глупый свѣтъ
Съ своей красивой пустотой!
Ужель я для него писалъ?
Ужели важному шуту
Я вдохновенье посвящаль,
Являя сердца полноту?“

Такимъ образомъ, обольщенный вначалѣ внѣшностью свѣтской жизни, онъ все-таки не нашель въ ней отрадныхъ минутъ. „Я любилъ“ — говоритъ онъ,—

„Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ—
И тѣ мгновенья были мукъ полны“.

Мученія эти были тѣ же мученія разочарованія и неудовлетворенности, которыя онъ испытываль и вслѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ отдѣльными личностями, составлявшими предметъ его привязанностей.

Этотъ горькій жизненный опытъ взволноваль юношескій умъ Лермонтова и заставиль его въ ранніе годы подумать объ общемъ строѣ окружавшей его жизни. Главное зло того времени — крѣпостное право — не могло ускользнуть отъ его вниманія. „Прежде отъ матерей и отцовъ продавали дочерей казакамъ на ярмаркахъ, какъ негровъ. Это въ трагедіи помѣститъ“, — пишетъ онъ въ одной изъ своихъ тетрадей Въ его юношескихъ драмахъ мы не находимъ, правда, дальнѣйшихъ слѣдовъ этой мысли, но зато мы встрѣчаемъ тамъ очень яркія картины того безчеловѣчнаго обращенія съ крѣпостными, свидѣтелемъ котораго могъ быть и самъ Лермонтовъ и которое еще болѣе заставило его разочароваться въ людяхъ. „Люди! Люди!... И до такой степени злодѣйства доходитъ женщина—твореніе, иногда столь близкое къ ангелу!... О, проклинаю ваши улыбки, ваше счастье. ваше богатство!... все куплено кровавыми слезами... Ломать руки, колоть, сѣчь, рѣзать, выщипывать бороду волосокъ по

волоску... О, Боже! при одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ. Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ разсказъ меня приводитъ въ бѣшенство“. Такъ говоритъ Владиміръ въ драмѣ „Странный чело-вѣкъ“, послѣ того какъ онъ услышалъ объ обращеніи одной помѣщицы со своими крѣпостными.

Отъ всѣхъ этихъ тяжелыхъ ощущеній Лермонтова освобождали только минуты поэтического вдохновенія, минуты творчества, когда онъ забывалъ всѣ тѣ горести и разочарованія, которыя ему приходилось переживать вслѣдствіе несоотвѣтствія окружающей жизни съ его ожиданіями:

„Все измѣнило мнѣ, вездѣ отравы,
Лишь лиры звукъ мнѣ неизмѣненъ былъ!“

Но познаніе дѣйствительной жизни не исчерпывается только знакомствомъ съ общимъ впечатлѣніемъ ея и познаніемъ окружающихъ насъ людей, какъ въ ихъ частной, такъ и въ общественной жизни,—оно заключается и, быть можетъ, главнымъ образомъ, и въ познаніи себя самого. И если Лермонтовъ отъ столкновенія съ окружающей его дѣйствительностью вынесъ тяжелое чувство разочарованія и неудовлетворенности, отъ котораго его избавляли только минуты вдохновенія, то отъ болѣе вѣрнаго познанія себя самого онъ вынесъ такое безысходное разочарованіе, такое безотрадное горькое чувство, отъ котораго его ничто уже не могло избавить:

„Меня спасало вдохновенье
Отъ мелочныхъ суетъ;
Но отъ своей души спасенья
И въ самомъ счастья нѣтъ“.

Такъ говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній 1830-го года. Но сознавать свои недостатки и испытывать мученія вслѣдствіе этого сознанія онъ началъ, конечно, раньше.

Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Шопенгауэра, утверждающаго, что чело-вѣкъ познаетъ самого себя только эмпирически. Дѣло въ томъ, что чувства, стремленія, возникающія у него, онъ знаетъ, конечно, непосредственно, но по какому то странному свойству относить часто къ своему „я“ только то, что сознательно имъ одобряется. Между тѣмъ это сознательное одобреніе однихъ стремленій и осужденіе другихъ далеко не можетъ служить ручательствомъ, что въ случаѣ столкновенія ихъ въ реальной жизни возьмутъ перевѣсъ первыя, а не послѣднія.

Чутко прислушиваясь ко всѣмъ движеніямъ своей дѣтской души, Лермонтовъ замѣтилъ эту разницу противоположныхъ стремленій и рѣзко отдѣлилъ одни стѣ другихъ. Погруженный въ міръ своей фантазіи, окруженный нѣжной лаской и заботливостью близкихъ ему людей, онъ не имѣлъ вначалѣ никакого повода сомнѣваться въ томъ, что его личность составляютъ только тѣ нравственныя стре-

мленія, которыя безусловно одобряются его сознаниемъ. Но когда ему пришлось поближе столкнуться съ дѣйствительной жизнью, когда изъ міра своей фантазіи онъ долженъ былъ перейти въ реальный окружавшій его міръ, тогда, строго отдавая себѣ отчетъ во всемъ, что совершалось въ его душѣ, онъ долженъ былъ сознаться, что прежнее его мнѣніе о себѣ было не менѣе ошибочно, чѣмъ и о другихъ людяхъ.

Послѣ минутъ разочарованія и раздраженія на бабушку и отца у него наступали, какъ это видно изъ его юношескихъ драмъ, приливы прежней любви къ нимъ, когда онъ замѣчалъ съ ихъ стороны проявленія дѣйствительно нравственныхъ мотивовъ. Эти минуты должны были вызвать въ немъ раскаяніе за прежнее къ нимъ отношеніе и невольно заставляли его задумываться надъ тѣмъ, чѣмъ мотивируется его собственная любовь къ нимъ. Замѣчая, что она бываетъ сильна только тогда, когда они заботятся о его счастіи, и превращается даже въ ненависть, когда онъ видитъ въ ихъ отношеніи къ себѣ проявленія эгоизма, онъ долженъ былъ понять, что и онъ ихъ любитъ только какъ источникъ личныхъ наслажденій и перестаетъ ихъ любить, когда они причиняютъ ему непріятности; онъ долженъ былъ, однимъ словомъ, прійти къ убѣжденію, что имъ руководитъ тотъ же эгоизмъ, который руководитъ и ими. Горько и тяжело было это разочарованіе въ чувствѣ, которое онъ прежде считалъ святымъ. И, огорченный семейными отношеніями, онъ искалъ успокоенія въ дружбѣ съ своими товарищами-сверстниками и въ любви къ тѣмъ дѣвушкамъ, съ которыми его сталкивала судьба. Но, вступая въ такія отношенія съ полнымъ убѣжденіемъ въ вѣчности и глубинѣ своей привязанности, онъ на себѣ самомъ скоро замѣчалъ, какъ непрочно его чувство, какъ не глубоко оно и какъ скоро проходитъ, не оставляя послѣ себя никакого слѣда, что и заставило его говорить впослѣдствіи:

„Но не виновенъ рокъ бываетъ,
 Что чувство въ насъ не глубоко;
 Что наше сердце измѣняетъ
 Надеждамъ прежнимъ такъ легко“.

Но огорчало его не только сознание непрочности его чувства. Еще болѣе тяжело отражалось на немъ то, что онъ постепенно начиналъ сомнѣваться и въ достоинствѣ его, особенно въ достоинствѣ чувства любви. Если прежде онъ объяснялъ раннее возникновеніе этого чувства высотой своей души, тѣмъ, что въ ней, говоря его словами, „много музыки“, то теперь, замѣчая въ немъ элементъ чувственности, которая рано пробудилась въ немъ и была причиной многихъ тяжелыхъ для него минутъ, онъ задавалъ горькій для себя вопросъ, не есть ли это столь высокое чувство—простая, только замаскированная, похоть, только „желанье, порожденное въ крови“.

Однимъ словомъ, изъ наблюденія надъ своими отношеніями къ

отдѣльнымъ личностямъ онъ вынесъ глубокое сомнѣніе въ чистотѣ тѣхъ мотивовъ, которые руководили имъ. Не болѣе утѣшительно было для него и познаніе своихъ отношеній не къ близкимъ для него людямъ, а къ тѣмъ, съ которыми онъ сталкивался въ обществѣ.

Если онъ упрекалъ „свѣтъ“ за пустоту его, за господство въ немъ только мелкихъ интересовъ самолюбія, то въ то же время онъ замѣчалъ, что его самого „обида малѣйшая приводила въ бѣшенство, особливо когда трогала его самолюбіе“, онъ замѣчалъ, какъ успѣхъ кого-нибудь въ обществѣ вызывалъ въ немъ зависть и недоброе чувство къ человѣку, который прежде ему самому нравился. Такъ, въ повѣсти „Княгиня Лиговская“ онъ говоритъ о Печоринѣ: „Онъ прежде самъ восхищался благородною красотой лица Красинскаго, но когда женщина, увлекавшая всѣ его думы и надежды, обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ, что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное, и ему почти показалось, что онъ вторично потерялъ ее навѣки и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго“.

Приходя въ страшное негодованіе отъ безчеловѣчнаго обращенія съ крѣпостнымъ людомъ, онъ въ то же время видѣлъ, какъ, незамѣтно для него самого, образовалась и въ немъ склонность къ такому же отношенію, какъ онъ самъ „умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея“ и, „принявъ гордый видъ, умѣлъ съ презрѣніемъ улынуться на низкую лестъ толстой ключницы“.

Эти наблюденія надъ собой тяжело ложились на душѣ Лермонтова. Такимъ образомъ, въ пятнадцать лѣтъ онъ почти постоянно находился въ тяжеломъ состояніи вслѣдствіе того, что увидалъ полное несоотвѣтствіе дѣйствительной жизни со своими ожиданіями и разочаровался какъ въ себѣ, такъ и въ окружающихъ людяхъ, хотя несомнѣнно, что *въ это время главную роль играетъ разочарованіе въ окружающихъ, а не въ себя*. И слѣдствіемъ этого разочарованія въ близкихъ ему людяхъ было прежде всего то, что у него мало-по-малу начала вырабатываться скрытность, замкнутость въ себѣ самомъ, которая съ каждымъ годомъ все увеличивалась. Если прежде онъ говорилъ: „я рожденъ съ душой открытой, я люблю съ друзьями быть“, то теперь мы уже слышимъ отъ него, что

„Таить отъ всѣхъ свои желанья
Привыкъ ужъ онъ съ давнишнихъ дней!“

Рядомъ съ выработкой этой черты характера у него постепенно накапливается горькое чувство противъ людей за отравленные дѣтскіе годы жизни:

„Противу нихъ во мнѣ горитъ, клянусь,
Не злоба, не презрѣніе, не месть.
Но... для чего старались они
Такъ отравить ребяческіе дни?“

Изъ этихъ строкъ уже можно видѣть, что въ это время разочарованіе въ окружающихъ еще не перешло у него въ безусловное отрицаніе существованія хорошей стороны человѣческой природы и чего то „святого“ въ жизни. Особенно же ясно высказывается имъ это въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Мои неясныя мечты
Я выразить хотѣлъ стихами,
Чтобы, прочтя сіи листы,
Меня бы примирила ты
Съ людьми и буйными страстями.
Но взоръ спокойный, чистый твой
Въ меня вперился. Изумленной
Ты покачала головой,
Сказавъ, что боленъ разумъ мой,
Желаньемъ вздорнымъ ослѣпленной.
Я, вѣруя твоимъ словамъ,
Глубоко въ сердце погрузился;
Однако же нашель я тамъ,
Что умъ мой не по пустякамъ
Къ чему то тайному стремился;
Къ тому, чего даны въ залогъ
Съ толпою звѣздъ ночные своды;
Къ тому, что обѣщаль намъ Богъ
И что бъ уразумѣть я могъ
Черезъ мышленіе и годы“.

Если такимъ образомъ онъ вѣрилъ еще въ истинное существованіе нравственныхъ стремленій въ человѣкѣ, то онъ вѣрилъ точно такъ же и въ осуществленіе ихъ, если не въ настоящемъ и не для него, то въ будущемъ и для другихъ:

„Теперь я вижу: пышный свѣтъ
Не для людей былъ сотворенъ.
Мы сгинемъ, — нашъ сотрется слѣдъ,
Таковъ нашъ рокъ, таковъ законъ.
Нашъ духъ вселенной вихрь умчить
Къ безбрежнымъ, мрачнымъ сторонамъ,
Нашъ прахъ лишь землю умягчить
Другимъ, чистѣйшимъ существамъ.
Не будутъ проклинать они;
Межъ нихъ ни злата, ни честей
Не будетъ; станутъ течь ихъ дни
Невинные, какъ дни дѣтей;
Межъ нихъ ни дружбу, ни любовь
Приличья цѣпи не сожмутъ,
И братьевъ праведную кровь
Они со смѣхомъ не прольютъ!“

Но вѣра въ существованіе нравственныхъ стремленій и смутная надежда на ихъ осуществленіе въ будущемъ не уничтожали для него сознанія полного несоотвѣтствія ихъ съ окружающей дѣйствительностью, не уничтожали того разочарованія, которое онъ вынесъ изъ знакомства съ жизнью. И это разочарованіе, вызванное

фактами его собственной жизни, находило себѣ выраженіе, поддерживалось и развивалось такъ любимой имъ поэзіей Байрона, съ которымъ онъ въ это время признавалъ полное тождество своей личности:

„Я молодъ, но кипять на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бѣ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки—
О, если бѣ одинаковъ былъ удѣлъ!“

Но если онъ въ это время такъ безусловно отождествлялъ себя съ Байрономъ, если онъ находилъ, что у него съ нимъ „одна душа, однѣ и тѣ же муки“, то въ слѣдующемъ году мы уже слышимъ отъ него:

„Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ—
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой“.

И дѣйствительно, внимательнѣе всматриваясь въ его произведенія, мы замѣтимъ, что внутреннее состояніе его съ 1831 года начинается постепенно измѣняться сравнительно съ тѣмъ, которое у него было до пятнадцатилѣтняго возраста.

Если прежде его тяжелое чувство происходило отъ сознанія несоотвѣтствія съ его ожиданіями дѣйствительной жизни, какъ она главнымъ образомъ проявлялась въ окружающихъ его людяхъ, то съ этого времени основной причиной его мученій является онъ самъ, его собственные недостатки, которые мѣшали ему самому осуществить въ своей жизни нравственные стремленія, рано въ немъ пробудившіяся; и это *разочарованіе въ себѣ, это недовольство собою начинаетъ мало-по-малу какъ бы заслонять разочарованіе въ другихъ людяхъ, недовольство окружающими:*

„Душа сама собою стѣснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна—
Находишь корень мукъ въ себѣ самомъ,
И небо обвинить нельзя ни въ чемъ“.

Почему вниманіе Лермонтова съ 1831 года сосредоточивается главнымъ образомъ на немъ самомъ и почему съ этого года главнымъ источникомъ его мученій является сознаніе имъ своихъ собственныхъ недостатковъ—это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что смерть отца прекратила ту семейную драму, которая такъ сильно отражалась на немъ и въ которой онъ, безъ всякой вины съ своей стороны, игралъ такую тяжелую роль; объясняется это, съ другой стороны, и тѣмъ, что съ каждымъ годомъ онъ видѣлъ увеличеніе и усиленіе своихъ недостатковъ, которые все болѣе и болѣе ясно показывали, насколько онъ самъ далекъ отъ того идеала человѣка, осуществленія котораго онъ требовалъ отъ другихъ. Но это сознаніе своихъ недостатковъ не заставило его понизить требованія отъ людей, стать къ нимъ снисходительнѣе и такимъ образомъ притти хотя къ какому-нибудь примиренію. Напротивъ того, оно еще

болѣе увеличило его разочарованіе и сдѣлало его безысходнымъ, благодаря той чертѣ субъективности въ его личности, вслѣдствіе которой у него недовольство собой легко переходило въ недовольство міромъ, разочарованіе въ себѣ—въ разочарованіе во всемъ окружающемъ. Особенно хорошо обрисована Лермонтовымъ эта черта въ Вадимѣ, про котораго онъ говоритъ: „...онъ такъ малъ сдѣлался въ собственныхъ глазахъ, что готовъ былъ бы въ одинъ мигъ уничтожить плоды многихъ лѣтъ, и презрѣніе къ самому себѣ, горькое презрѣніе обвилось, какъ змѣя, вокругъ его сердца и вокругъ вселенной, потому что для Вадима все заключалось въ его сердцѣ“.

Что для Лермонтова, какъ и для Вадима, все заключалось въ его сердцѣ, это видно и изъ того, что впослѣдствіи происхожденіе у себя презрѣнія ко всѣмъ людямъ онъ склоненъ былъ объяснять презрѣніемъ къ самому себѣ. „Я иногда себя презираю,—говоритъ Печоринъ,—не оттого ли я презираю и другихъ?“

Насколько съ 1831 года все вниманіе Лермонтова сосредоточивается на немъ самомъ, насколько источникомъ большинства его тяжелыхъ минутъ съ этого времени было сознаніе имъ своихъ недостатковъ, можно видѣть уже изъ того, что онъ готовъ теперь всѣ мученія человѣка объяснять только двойственностью его натуры. „Лишь въ человѣкѣ встрѣтится, могло священное съ порочнымъ“,—говоритъ онъ въ это время: — „всѣ его мученья происходятъ отъ того“.

Производя всѣ мученія человѣка отъ совмѣщенія въ немъ „священнаго“ съ „порочнымъ“, онъ первое время признавалъ это совмѣщеніе до нѣкоторой степени фатальнымъ, что и отразилось въ томъ поэтически-философскомъ воззрѣніи, которое мы видимъ въ его стихотвореніи „Ангелъ“, и по которому душа человѣка, существовавшая до его рожденія и полная слышанныхъ ею въ своей неземной жизни „святыхъ звуковъ“, поселилась „въ твореньи земномъ“:

„Но чуждъ ей былъ міръ. Объ одномъ
Она все мечтала—о звукахъ святыхъ,
Не помня значенія ихъ.
И долго, желаньемъ напраснымъ полна,
Страдала, томилась она,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Однако признаніе фатальнаго совмѣщенія въ человѣческой природѣ нравственныхъ стремленій, никогда не осуществляющихся, и эгоистическихъ инстинктовъ, проявленіе которыхъ онъ видѣлъ и въ себѣ, и въ окружающихъ, не долго у него продолжалось и стало замѣняться сомнѣніемъ въ существованіи въ человѣческой природѣ чего-нибудь, кромѣ эгоизма. *Съ этого времени разочарованіе въ себѣ и окружающихъ, т.-е. мучительное сознаніе, что ни онъ самъ, ни всѣ другіе съ нимъ живущіе не удовлетворяютъ тѣмъ нравственнымъ требованіямъ, которыя онъ считалъ необходимымъ*

предъявлять человѣку, начинаетъ мало-по-малу переходить у него въ принципиальное безусловное отрицаніе существованія чего-нибудь въ природѣ человѣка, что соотвѣтствовало бы этимъ требованіямъ, начинаетъ переходить у него въ признаніе безусловнаго господства зла въ жизни и въ людяхъ. Вслѣдствіе этого у него складывается убѣжденіе, что для того, чтобы быть счастливымъ, не надо глубоко проникать въ скрытыя пружины людскихъ поступковъ, а если и проникнешь, то надо холодно, безстрастно смотрѣть на господство зла. Высказывая въ это время пожеланія новорожденному ребенку, онъ говоритъ:

„Пускай не знаетъ онъ до срока
 Ни мукъ любви, ни славы жадныхъ думъ;
 Пускай глядитъ онъ безъ упрека
 На ложный блескъ и ложный міра шумъ;
 Пускай не ищетъ онъ причины
 Чужимъ страстямъ и радостямъ своимъ,
 И выйдетъ онъ изъ свѣтской тины
 Душою бѣлъ и сердцемъ неведимъ!“

Насколько глубоко запало у него сомнѣніе въ существованіи чего-нибудь дѣйствительно нравственнаго въ людяхъ, мы ясно можемъ видѣть изъ того, что различіе между добромъ и зломъ онъ уже пытается объяснить только, какъ различіе между рѣдко и часто повторяющимися поступками. „Какъ знать?“—говоритъ онъ въ это время:—можетъ быть, и чувства святѣйшія—одна привычка, и если бъ зло было такъ же рѣдко, какъ добро, и послѣднее наоборотъ, то наши преступленія считались бы величайшими подвигами добродѣтели человѣческой“. Но всѣ подобнаго рода мысли, вытекавшія изъ объективнаго, безстрастнаго наблюденія надъ окружавшей его жизнью, вызывали въ немъ такое горькое чувство, которое не давало ему возможности скоро примириться съ ними. Это состояніе борьбы между двумя противоположными воззрѣніями особенно хорошо выражается въ его „Исповѣди“:

„Я вѣрю, обѣщаю вѣрить,
 Хоть самъ того не испыталъ,
 Что могъ монахъ не лицемерить
 И жить, какъ клятвой обѣщаль;
 Что поцѣлуи и улыбки
 Людей коварны не всегда,
 Что ближнихъ малыя ошибки
 Они прощаютъ иногда;
 Что время лѣчитъ отъ страданья;
 Что міръ для счастья сотворенъ;
 Что добродѣтель не названье
 И жизнь поболѣе, чѣмъ сонъ!..
 Но вѣрѣ теплой опытъ хладный
 Противорѣчитъ каждый мигъ,
 И умъ, какъ прежде безотрадный,
 Желанной цѣли не достигъ;

И сердце, полно сожалѣній,
Хранить въ себѣ глубокой слѣдъ
Умершихъ, но святыхъ видѣній
И тѣни чувствъ, какихъ ужъ нѣтъ“.

Если въ этомъ стихотвореніи выражается борьба двухъ исключаящихъ одно другое воззрѣній, то въ другомъ мы находимъ соображенія, съ помощью которыхъ онъ хотѣлъ логически оправдать, почему онъ предается еще „вѣрѣ теплой“, несмотря на то противорѣчіе, въ которомъ она находится съ указаніями „опыта хладнаго“:

„Когда бъ въ покорности незнанья
Насъ жить Создатель осудилъ,
Неисполнимыя желанья
Онъ въ нашу душу бъ не вложилъ,
Онъ не позволилъ бы стремиться
Къ тому, что не должно свершиться,
Онъ не позволилъ бы искать
Въ себѣ и въ мірѣ совершенства,
Когда бъ намъ полнаго блаженства
Не должно вѣчно было знать“.

Понятно, что не такія соображенія мѣшали Лермонтову притти къ безусловному отрицанію всего „святого“ въ жизни. Въ его собственной душѣ, несомнѣнно, было слишкомъ много такого, что не уживалось съ этимъ отрицаніемъ, и вслѣдствіе этого всякій дурной поступокъ, всякое проявленіе дурныхъ сторонъ его личности продолжали вызывать нравственные мученія, становившіяся все болѣе и болѣе сильными. Насколько тяжелы были эти мученія, мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ его, въ которыхъ онъ описывалъ душевное состояніе героя поэмы „Измаиль-бей“, въ посвященіи къ которой онъ прямо указывалъ на автобіографическое ея значеніе:

„Видали ль вы, какъ хищные и злые
Къ оставленному трупѣ, въ тихій доль,
Слетаются наслѣдники земные:
Могильный воронъ, коршунъ и орелъ?
Такъ есть мгновенья, краткія мгновенья,
Когда, столпясь, всѣ адскія мученья
Слетаются на сердце и грызутъ!—
Вѣка печали стоятъ тѣхъ минутъ“...

Эти тяжелыя минуты раскаянія и разочарованія въ себѣ являются характерными чертами для разсматриваемаго нами періода жизни Лермонтова и указываютъ на то, что, несмотря на все болѣе и болѣе усиливавшуюся склонность признать всѣ нравственныя стремленія въ человѣкѣ за „пустыя мечтанія“, онъ въ это время все-таки еще не могъ этого сдѣлать и продолжалъ требовать отъ себя осуществленія этихъ стремленій и подавленія имъ противоположныхъ. Въ немъ происходила, слѣдовательно, въ это время внутренняя борьба, затруднявшаяся тою страстностію его характера, благодаря которой онъ весь отдавался зародившемуся у него чувству,

какъ хорошему, такъ и дурному, и только тогда могъ отнестись къ нему критически, когда оно было уже удовлетворено.

Еще болѣе затруднялась для Лермонтова борьба съ самимъ собою тѣмъ, что рядомъ съ ней ему приходилось рѣшать вопросъ, существуютъ ли дѣйствительно тѣ нравственныя стремленія, во имя которыхъ онъ старался подавлять свои дурныя инстинкты, и не суть ли они просто пріятныя мечтанія, которыми люди пользуются только, какъ прикрытіемъ своего нравственного безобразія. А данныхъ для такого заключенія было слишкомъ много въ жизни окружавшаго его общества.

Это горькое заключеніе, результатъ „опыта хладнаго“, результатъ столкновенія съ неприглядной окружавшей его дѣйствительностью и искренняго, строгаго, иногда придирчиваго анализа мотивовъ своихъ собственныхъ поступковъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе перевѣшивало находящуюся въ противорѣчьи съ нимъ „вѣру теплую“, пока, наконецъ, не пересилило ее.

Слѣдствіемъ же этого было установленіе міросозерцанія, противоположнаго тому, которое выработалось въ дѣтскій періодъ его жизни, и постепенное разубѣжденіе въ истинности котораго такъ болѣзненно-тяжело отражалось на немъ. Какъ тогда онъ вѣрилъ, что людьми руководятъ одни только нравственные мотивы, такъ теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что ими руководятъ одни только эгоистическіе инстинкты, прикрытые мнимо-существующими высокими чувствами. Но этотъ крупный шагъ въ перемѣнѣ его міросозерцанія велъ за собой дальнѣйшіе, тѣсно съ нимъ связанные шаги.

Съ убѣжденіемъ въ существованіи нравственныхъ стремленій у людей у Лермонтова тѣсно было связано представленіе о жизни человѣческой, какъ объ осуществленіи этихъ стремленій:

„Стремится медленно толпа людей,
До гроба самаго отъ самой колыбели
Игралищемъ и рока, и страстей,
Къ одной святой, неизъяснимой цѣли“.

Такъ говорилъ онъ въ то время. Съ этимъ же возрѣніемъ у него неразрывно было связано религіозное убѣжденіе въ безсмертіи души человѣческой, вѣра въ Бога и убѣжденіе въ гармоничности, цѣлесообразности и разумности всего мірозданія.

Во всемъ этомъ онъ теперь разубѣдился. И вслѣдствіе этого человѣкъ, этотъ „царь природы“, по его прежнему мнѣнію, долженъ былъ теперь представиться ему въ карикатурномъ видѣ, стать въ ряды животныхъ и отличаться отъ нихъ развѣ только тѣмъ, что, благодаря своему уму, онъ можетъ ихъ пожирать. „Царь природы“, говоритъ онъ въ это время,

....„Вѣрно созданъ всѣхъ умнѣй,
Чтобъ пожирать растенья и звѣрей,
Хоть между тѣмъ (пожалуй, клясться стану)
Ужасно самъ похожъ на обезьяну“.

Воспѣтыя Лермонтовымъ. II.

А. В. Алябьева.

Если въ такомъ видѣ представляется ему человѣкъ, то не менѣе карикатурнымъ представляется ему и весь міръ. „Вѣрить я готовъ“, говоритъ онъ,

„Что нашъ безлучный міръ—лишь прахъ могильный
 Другого,—горсть земли, въ борьбѣ вѣковъ
 Случайно уцѣлѣвшая и сильно
 Зброшенная въ вѣчный кругъ міровъ.
 Свѣтила—ей двоюродные братья,
 Хоть носятъ шлейфы огненнаго платья,
 Да иногда имѣютъ въ добрый часъ
 Вліянье благотворное на насъ....
 А дай сойтись, такъ заварится каша—
 Въ кулачки, и прощай планета наша“.

Такимъ образомъ вмѣсто прежняго представленія о мірѣ, какъ о величавомъ, цѣлесообразномъ созданіи, въ которомъ человѣкъ—

этотъ „царь природы“—является вѣнцомъ творенія, осуществляющимъ въ своей жизни нравственный законъ, и подобіемъ Божества, у него теперь возникло противоположное, по которому весь этотъ міръ есть только простая случайность, результатъ борьбы какихъ то слѣпыхъ силъ, которыя породили и человѣка, живущаго самыми скотскими инстинктами и представляющаго истинное подобіе обезьяны.

Такая рѣзкая перемена въ міросозерцаніи Лермонтова должна была сильно отразиться въ дальнѣйшемъ ходѣ его жизни. Если прежде для него имѣло большое значеніе сосредоточить всѣ свои силы на нравственномъ самоусовершенствованіи и на борьбѣ съ дурными сторонами своего характера, то теперь, когда онъ убѣдился, что всѣ тѣ нравственныя стремленія, во имя которыхъ онъ велъ борьбу, суть лишь „пустыя мечтанія“,—теперь, конечно, продолжать вести эту борьбу не имѣло никакого смысла.

Онъ не могъ продолжать жить такъ, какъ онъ жилъ прежде, потому что самыя основныя воззрѣнія, на которыхъ держалась его прежняя жизнь, измѣнились; слѣдовательно, должна была измѣниться и самая жизнь. Если тогда для него главной задачей являлось подавленіе эгоистическихъ и осуществленіе нравственныхъ стремленій, то теперь этой задачей являлось уже подавленіе этихъ нравственныхъ стремленій, какъ пустыхъ мечтаній, и полное освобожденіе имъ противоположныхъ, какъ единственно истинныхъ. Письма его отъ 1833 года ясно и отчетливо рисуютъ передъ нами эту перемену въ его жизни, находящуюся въ непосредственной связи съ переменной его міросозерцанія. „Какъ скоро я замѣтилъ“, пишетъ онъ въ одномъ изъ нихъ, „что прекрасныя мечтанія мои разлетаются, я сказалъ самому себѣ, что заниматься изготовленіемъ новыхъ не стоитъ труда,—гораздо лучше, подумалъ я, приучить себя обходиться безъ нихъ. Я началъ пробовать и походилъ въ это время на пьяницу, старающагося понемногу отвыкать отъ вина; труды мои не были безплодны“. Но, рѣшившись подавить въ себѣ нравственныя стремленія, какъ пустыя мечтанія, и дать просторъ противоположнымъ инстинктамъ, какъ единственно существующимъ и законнымъ, онъ наперекоръ своему новому воззрѣнію все-таки, хотя и безсознательно, признавалъ, что такимъ путемъ не достигнетъ уже истиннаго счастья, а развѣ только наслажденій. „Если бы вы знали“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ, „какую жизнь я намѣренъ повести! О, это будетъ восхитительно! Во-первыхъ, чудачества, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете, но, увѣ! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны чувственныя наслажденія, счастье осязательное, такое счастье, которое покупается золотомъ, чтобы я могъ носить его съ собою въ карманѣ, какъ табакерку, чтобы оно только обольщало мои чувства, оставляя въ покоѣ и бездѣйствіи душу“.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ отрывковъ писемъ видно,

что жизнь его должна была принять направлѣніе, противоположное тому, которое онъ хотѣлъ ей дать прежде. Должна была принять это направлѣніе потому, что всѣ прежнія стремленія оказались пустыми мечтаніями, предразсудками, мало того, они оказались просто средствомъ, которое служить людямъ для маскированія ихъ нравственнаго безобразія. Если это такъ, то единственно, къ чему онъ и могъ стремиться—это только къ полному уничтоженію этихъ предразсудковъ и къ тому, чтобы не пользоваться ими, какъ прикрытіемъ своихъ эгоистическихъ инстинктовъ; онъ долженъ былъ, однимъ словомъ, стараться о томъ,

„Чтобъ разомъ сбросить цѣпь предубѣжденій,
Какъ сбросилъ бы я платье, еслибъ вдругъ
Изъ сѣвера Всевышній сдѣлалъ югъ“.

Желаніе это окончательно отдѣлаться отъ способности прикрывать дурные мотивы своихъ поступковъ мнимо-существующими нравственными стремленіями вызывалось у Лермонтова тѣмъ особенно сильно развитымъ въ немъ чувствомъ правды, которое возбуждало въ немъ страшную ненависть ко всему дѣланному, лживому и неестественному. „Въ юнкерской школѣ“, говоритъ Меринскій въ своихъ воспоминаніяхъ, „Лермонтовъ былъ хорошъ со всѣми товарищами, хотя нѣкоторые изъ нихъ не очень любили его за то, что онъ преслѣдовалъ ихъ своими остротами и насмѣшками за все ложное, натянутое и неестественное, чего никакъ не могъ переносить“. „Впослѣдствіи“, прибавляетъ онъ, „и въ свѣтѣ онъ не оставилъ этой привычки, хотя имѣлъ за то много неприятностей и враговъ“.

Что жизнь Лермонтова съ восемнадцатилѣтняго возраста, т.-е. съ 1833 года, приняла указанное направлѣніе, что онъ старался съ этого времени искоренить всѣ нравственныя стремленія, какъ лживыя, и болѣзненно-открыто выставлялъ всѣ противоположныя, какъ единственно существующія, это мы можемъ видѣть и изъ разсмотрѣнія тѣхъ крупныхъ его произведеній, въ которыхъ онъ выводитъ передъ нами себя подъ разными именами.

Извѣстный типъ, созданный истиннымъ художникомъ, будетъ ли онъ въ немъ изображать себя или другихъ людей, не есть копія съ натуры, не есть простой снимокъ съ дѣйствительности. Задача художника состоитъ въ томъ, чтобы подмѣтить принципъ, опредѣляющій жизнь человѣка, и, подмѣтивши, до конца провести осуществленіе его въ изображаемой имъ жизни даннаго лица. Если мы сравнимъ теперь изображенія Лермонтовымъ себя самого въ произведеніяхъ, писанныхъ до 1833 года, съ тѣми, которыя были написаны съ этого года, то мы увидимъ крупную между ними разницу. Если въ первыхъ, особенно въ юношескихъ драмахъ, онъ изображаетъ передъ нами человѣка, осуществляющаго въ своей жизни нравственныя стремленія, хотя въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ горько жалуется, что въ дѣйствительной жизни

не можетъ ихъ вполне осуществить, то во вторыхъ онъ изображаетъ передъ нами человѣка, открыто и безусловно живущаго одними только эгоистическими стремленіями, хотя въ современныхъ имъ мелкихъ стихотвореніяхъ онъ ясно указываетъ на то, что въ дѣйствительной жизни не можетъ довести до конца ихъ проявленіе. Для насъ во всякомъ случаѣ важно отмѣтить въ данную минуту не то, насколько онъ осуществлялъ этотъ принципъ, а каковъ онъ былъ. Стремясь такимъ образомъ въ этотъ новый періодъ своей жизни къ открытому проявленію однихъ эгоистическихъ инстинктовъ, Лермонтовъ, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, не ищетъ уже счастья, которое является слѣдствіемъ гармоніи душевной, онъ ищетъ только сильныхъ впечатлѣній, ищетъ одной только бури и ищетъ ея даже при самыхъ счастливыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Въ это время, говоря его словами,

„Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой;
А онъ, мятежный, проситъ бури,
Какъ будто въ буряхъ есть покой!“

Въ первое время послѣ описанной нами переменъ Лермонтовъ почувствовалъ облегченіе, какъ человѣкъ, освободившійся отъ внутренней борьбы, пришедшій къ опредѣленному, хотя и горькому рѣшенію послѣ долгаго колебанія. „Я счастливѣе“, говоритъ онъ, „чѣмъ когда-нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ“. Это опьяняющее веселье продолжалось однако очень недолго. И если мы посмотримъ теперь на внутреннее состояніе его въ этотъ бурный періодъ его жизни—періодъ подавленныхъ идеальныхъ стремленій и погони за волненіями,—то мы увидимъ, что оно измѣнилось, но едва ли можно сказать, что оно улучшилось. Измѣнилось оно тѣмъ, что въ немъ не было уже той борьбы съ самимъ собой, которая была въ предшествующій періодъ, не было, конечно, и тѣхъ невыносимо-жгучихъ мученій, которыя вызывались неудачами этой борьбы, но зато у него образовалось то тяжелое, постоянно давящее отчаяніе, которое, по его словамъ, ничѣмъ нельзя было излѣчить. Въ одномъ письмѣ 1835 года онъ говоритъ про холодную иронию, которая, прибавляетъ онъ, „неудержимо втѣсняется мнѣ въ душу, какъ вода, наполняющая разбитое судно.“ Это была та страшная иронія, это былъ тотъ ужасный, холодный смѣхъ безусловнаго разочарованія и полнаго отчаянія, которымъ можетъ смѣяться только человѣкъ, имѣвшій много очень дорогого въ жизни и сразу все, безусловно все это дорогое потерявшій. Посмотрите, съ какой ироніей онъ самъ говоритъ теперь о своемъ состояніи, и какая глубина страданій скрывается за этой на первый взглядъ легкомысленностью:

„Къ чему, куда ведетъ насъ жизнь, о томъ
Не съ нашимъ бѣднымъ толковать умомъ;
Но исключая два-три дня, да дѣтство,
Она, безспорно, скверное наслѣдство.“

Бывало, этой думой удручонъ,
 Я прежде много плакалъ и слезами
 Я жегъ бумагу. Дѣтскій глупый сонъ
 Прошелъ давно, какъ тучка надъ степями;
 Но пылкій духъ мой не былъ освѣжонъ,
 Въ немъ родилися бури, какъ въ пустынѣ,
 Но скоро улеглись онѣ, и нынѣ
 Осталось сердцу вмѣсто слезъ, бурь тѣхъ
 Одинъ лишь отзывъ—звучный, горькій смѣхъ“.

Чтобъ избавиться отъ этой тяжести, онъ начинаетъ убѣждать себя, какъ маленькаго ребенка, въ томъ, что прежнее представление его о счастіи было ложно, что ничего святаго въ жизни нѣтъ, что нечего думать о другихъ людяхъ и что ничѣмъ не надо стѣсняться въ своей жизни. Особенно хорошо выражено имъ это настроеніе въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Когда, надеждѣ недоступный,
 Не смѣя плакать и любить,
 Пороки юности преступной
 Я мнилъ страданьемъ искупить;
 Когда бывшее ежечасно
 Очамъ являлося моимъ
 И все, что свято и прекрасно,
 Отозвалось мнѣ чужимъ,—
 Тогда молитвой безразсудной
 Я долго небу докучалъ,
 И вдругъ услышалъ голосъ чудной:
 „Чего ты просишь?“ онъ вѣщаль:
 „Ты, бѣдный, палъ, но я ль виновенъ!
 Смири страстей своихъ порывъ,
 Будь, какъ другіе, хладнокровенъ,
 Будь, какъ другіе, терпѣливъ.
 Твое блаженство было ложно,
 Ужель мечты тебѣ такъ жаль?
 Глупецъ! гдѣ посохъ твой дорожный?
 Возьми его, пускайся вдаль.
 Пойдешь ли ты черезъ пустыню,
 Иль городъ пышный и большой,
 Не обожай ничью святыню,
 Нигдѣ пріютъ себѣ не строй“.

Это рѣшеніе „не обожать ничью святыню“ облегчало ему возможность находить сильныя ощущенія, которыми онъ старался развлечь себя, чтобы хоть на минуту заглушить то тяжелое чувство, которое, какъ кошмаръ, давило его.

Если прежде страданія людей, происходившія отъ чисто случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, казались ему ничтожными передъ его нравственными мученіями и если онъ прежде говорилъ:

„Не смѣйте искать въ сей груди сожалѣнья,
 Питомцы надеждъ золотыхъ!
 Когда я свои презираю мученья,
 Что мнѣ до страданій чужихъ?“

то теперь онъ самъ охотно возбуждалъ эти страданія, охотно возбуждалъ ихъ потому, что рѣшилъ „не уважать ничью святую, нигдѣ пріютъ себѣ не строить“, а добиваться только минутныхъ наслажденій, каковы бы они ни были и какой бы цѣной ни покупались. Однимъ словомъ, онъ является передъ нами въ томъ видѣ, въ какомъ онъ самъ выставляетъ себя въ „Героѣ нашего времени“ и въ какомъ намъ рисуютъ его сталкивавшіеся съ нимъ въ то время люди.

Всмотритесь въ эту широкоплечую фигуру средняго роста, съ стройнымъ, тонкимъ станомъ, со всѣми признаками крѣпкаго сложенія и въ то же время съ какой то нервической слабостью во всемъ тѣлѣ, обратите вниманіе на холодный блескъ этихъ вѣчно угрюмыхъ глазъ, не смѣявшихся даже въ то время, когда самая дѣтская улыбка скользила на устахъ его, вдумайтесь глубже въ основныя черты этого „страннаго челоѣка“, то блѣднѣющаго отъ стука ставень, то идущаго на кабана одинъ на одинъ, то хранящаго самое гробовое молчаніе въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, то начинающаго болтать такъ, что, говоря словами Максима Максимовича, животики надорвешь со смѣху,—и вы узнаете въ немъ самого Лермонтова въ описываемый нами періодъ его жизни.

Намъ понятно въ такомъ случаѣ, почему на лицѣ его лежала печать глубокой постоянной грусти, такъ рѣзко выражавшейся въ его взглядѣ, намъ ясно, что заставляло его идти на кабана одинъ на одинъ, такъ неотступно добиваться любви Бѣлы и скучать, достигнувъ своей цѣли,—такъ энергично преслѣдовать княжну Мери и заставить ее влюбиться въ себя; намъ объясняется, наконецъ, и та радость, которая охватила его, когда онъ узналъ, что противъ него составляется заговоръ Грушницкимъ и его компаніей,—все это, несомнѣнно, была та погоня за волненіями, та жажда впечатлѣній сильныхъ, бурныхъ, раздражающихъ и удовлетворяющихъ самолюбіе, которая одна осталась ему взамѣнъ подавленныхъ идеальныхъ стремленій и удовлетвореніе которой, слѣдовательно, въ то время составляло всю его жизнь.

„Я люблю враговъ“, говоритъ онъ, „хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью“. Изъ этихъ словъ уже болѣе чѣмъ ясно видно, что жизнь его свелась къ погонѣ за волненіями, что онъ не жилъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а старался развлечь себя, чтобы подавить такимъ образомъ то сознаніе бессмысленности жизни, которое все болѣе и болѣе укоренялось въ немъ послѣ описанной нами переменны. Но эта возможность забываться „въ весельи жизни шумной“ и „пить чашу бытія съ закрытыми очами“ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе

ослаблялась, такъ какъ источники для сильныхъ, опьяняющихъ душу волненій все уменьшались, а то тяжелое чувство, которое надо было заглушать, все увеличивалось. Мало того, что уменьшались эти источники, они и удовлетвореніе то ему давали неполное, такъ какъ онъ заранѣе зналъ, что стремится къ достиженію извѣстной цѣли только для того, чтобы въ самомъ процессѣ борьбы съ препятствіями заглушить сознание безсмысленности всякаго стремленія вообще, и потому, когда достигалъ результата своихъ усилій, то пользовался только минутнымъ удовлетвореніемъ самолюбія и ничѣмъ больше. Даже достиженіе самой страстной любви женщины не радовало его, такъ какъ онъ не могъ признать это чувство истиннымъ, зная, что употребилъ для достиженія его искусственныя средства. „Мнѣ“, говоритъ онъ, „случалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти. Но такъ какъ я очень знаю, что въ этомъ обязанъ только искусству и привычкѣ кстати трогать нѣкоторыя струны человѣческаго сердца, то и не радуюсь своему счастью“.

Если въ то время, когда въ его жизни только что совершалась перемѣна, онъ говорилъ: „Преглупое состояніе человѣка то, когда онъ долженъ занимать себя, чтобы жить, какъ занимали нѣкогда придворные старыхъ королей“, то теперь, когда онъ уже нѣсколько лѣтъ долженъ былъ такъ занимать себя и когда съ каждымъ днемъ онъ чувствовалъ, что прежнія средства перестаютъ дѣйствовать, а новыхъ не находится, у него должно было появиться состояніе, приписываемое имъ Демону, за котораго онъ говоритъ:

„Какое горькое томленье
 Всю жизнь, вѣка безъ раздѣленья—
 И наслаждаться, и страдать,
 За зло похвалъ не ожидать,
 Ни за добро вознагражденья;
 Жить для себя, скучать собой
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья;
 Всегда жалѣть и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видѣть,
 Все противъ воли ненавидѣть,
 И все на свѣтѣ презирать!..“

Мучительное сознание безцѣльности и бесплодности всей своей жизни—вотъ та главная нота, которая звучитъ во всѣхъ произведеніяхъ описываемаго нами періода жизни Лермонтова.

Это мучительное сознание вызывалось непродуцирующею тратою силъ, силъ необъятныхъ, по его собственнымъ словамъ, которыя требовали себѣ соотвѣтствующаго выхода и за неимѣніемъ его расходовались на пустую механическую борьбу съ различными препятствіями, встрѣчавшимися ему на пути къ достиженію какой-нибудь случайной цѣли, безсмысленность которой онъ самъ хорошо сознавалъ. Пока въ немъ сохранялась вѣра въ высокія задачи человеческой жизни, пока онъ не переставалъ еще вѣрить въ стремле-

ніе людей „къ одной святой неизъяснимой цѣли“, онъ и въ своемъ поэтическомъ дарованіи видѣлъ средство, съ помощью котораго долженъ былъ осуществить свое высокое призваніе въ жизни, и мысль о томъ, что онъ не осуществитъ этого призванія и умретъ ничтожнымъ человѣкомъ, доставляла ему много горькихъ минутъ. „Одна вещь меня беспокоитъ“, пишетъ онъ въ письмѣ 1832 года: „я почти совсѣмъ лишился сна, Богъ знаетъ, надолго ли. Не скажу, чтобъ отъ горести: были у меня и большія горести, а я спалъ крѣпко и хорошо. Нѣтъ, я не знаю: тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ“. Но за этой мыслью скрывалась во всякомъ случаѣ увѣренность, что можно все-таки окончить жизнь и не ничтожествомъ. Когда же его міросозерцаніе перемѣнилось, когда весь міръ въ его глазахъ превратился въ „комъ грязи“, тогда онъ уже и не могъ думать объ исполненіи какого-нибудь „высокаго назначенія“. Да и свое собственное прежнее стремленіе къ этому онъ сталъ объяснять простымъ желаніемъ славы, которой онъ теперь и сталъ добиваться, думая, что найдетъ при достиженіи ея полное удовлетвореніе. Но когда онъ достигъ этой славы, когда онъ, по его собственнымъ словамъ, сдѣлался львомъ, за которымъ гонялись и у котораго заискивали, тогда онъ увидалъ, что это не то, что ему дѣйствительно нужно было. И онъ съ горечью пишетъ въ одномъ письмѣ 1838 года, что хотя сильно возросшая тогда его слава доставляетъ удовлетвореніе его самолюбію, но въ концѣ концовъ онъ съ каждымъ днемъ все больше и больше начинаетъ находить это поклоненіе себѣ „довольно невыносимымъ“. Такимъ образомъ тогда, когда онъ думалъ найти полное удовлетвореніе отъ достиженія давно поставленной цѣли, онъ съ еще большею силою чувствуетъ неудовлетворенность, чувствуетъ горечь, происходившую отъ сознанія бесплодно погибшихъ могучихъ силъ, жара души, растроченнаго въ пустынѣ. Но тяжесть его положенія увеличивалась еще тѣмъ, что онъ не видѣлъ выхода изъ него, такъ какъ не имѣлъ вѣры въ возможность ни своего личнаго счастья, ни счастья другихъ людей. „Мы не способны болѣе“, говорилъ онъ, „къ великимъ жертвамъ ни для блага человѣчества, ни даже для собственнаго нашего счастья, потому что знаемъ его невозможность“.

А такое только стремленіе „къ благу человѣчества“ и могло вывести его изъ того тяжелаго состоянія погони за минутными наслажденіями, которое становилось для него такъ невыносимо тяжело. Оно одно могло замѣнить погоню за минутными наслажденіями потому, что всякія другія цѣли были въ глазахъ Лермонтова еще менѣе вѣрны, чѣмъ даже эти минутныя наслажденія.

„Если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастье?“ говоритъ Печоринъ въ повѣсти „Княгиня Лиговская“. „Добиваешься прочной любви, прочнаго богатства, прочной славы—глядишь смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, моръ, соперникъ, перемѣна общаго мнѣнія—и всѣ труды пропали!... А забвенье?“

Забвеніе равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Если бы меня спросили, чего я хочу—минуту полного блаженства или годы двусмысленнаго счастья, я бы скорѣй рѣшилъ сосредоточить всѣ свои чувства и страсти въ одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-по-малу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали“.

Но такого божественнаго мгновенія не только не встрѣчалось, но даже съ каждымъ днемъ уничтожалась возможность такихъ новыхъ и сильныхъ ощущеній, которыя могли бы заглушить сознаніе, что все это лишь „горькое томленіе“, и ему оставалось только переходить, говоря его словами,—„отъ сомнѣнія къ сомнѣнію, какъ наши предки бросались отъ одного заблужденія къ другому, не имѣя, какъ они, ни надежды, ни даже того неопредѣленнаго, хотя и сильнаго наслажденія, которое встрѣчаетъ душа во всякой борьбѣ съ людьми или съ судьбою“.

Понятно поэтому, что у него вырывались такія слова, какъ:

„Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной!..“

Понятна эта тоска за погибшее прошлое, понятна эта боязнь передъ безпросвѣтнымъ будущимъ, понятно, наконецъ, и это полное безпомощное одиночество, которое заставляло его, какъ преступника передъ казнью, искать кругомъ души родной.

Если въ тотъ періодъ своей жизни, когда въ немъ происходила внутренняя борьба, когда онъ, говоря его словами, „для добра былъ гибнуть радъ“, онъ не находилъ все-таки сочувствія въ людяхъ, и благодаря дурнымъ сторонамъ своего характера, и благодаря тому, что его не понимали окружавшіе, считавшіе его прежнія стремленія за „вздорныя желанія больнаго ума“, то теперь, когда онъ „не уважалъ ничью святыню“, когда онъ „смотрѣлъ на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживавшую его душевныя силы“, теперь онъ уже, конечно, былъ вполнѣ и безусловно одинокъ.

Отстранялись отъ него люди не только тогда, когда имъ приходилось быть жертвою его каприза, они отстранялись отъ него всегда, потому что, не видя внутреннихъ причинъ его состоянія, считали его просто за желчнаго и озлобленнаго человѣка и какъ то неловко себя съ нимъ чувствовали. Для подтвержденія этой мысли приведу воспоминанія Лорера о знакомствѣ его съ Лермонтовымъ въ этотъ періодъ его жизни. „Съ перваго шага нашего знакомства“—говоритъ онъ, „Лермонтовъ мнѣ не нравился. Я былъ всегда счастливъ тѣмъ, что сталкивался съ людьми симпатичными, теплыми, умѣвшими во всѣхъ фазисахъ своей жизни сохранить благодатный пламень сердца, живое сочувствіе ко всему высокому, прекрасному:“

изъ разговоровъ съ Лермонтовымъ онъ показался мнѣ холоднымъ, желчнымъ, раздражительнымъ и ненавистникомъ человѣческаго рода вообще "... „До сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета“, прибавляетъ онъ далѣе, „почему мнѣ съ нимъ было какъ то неловко“.

Но не всё, конечно, принимали Лермонтова за „ненавистника рода человѣческаго“: были люди, которые видѣли, что скрывается за этой озлобленностью и раздраженностью, и къ такимъ людямъ принадлежалъ, на примѣръ, Бѣлинскій. „Глубокій и могучій духъ!“— говоритъ онъ послѣ посѣщенія Лермонтова, сидѣвшаго на гауптвахтѣ за дуэль.— „О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго... Я съ нимъ спорилъ, и мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого; я это замѣтилъ ему— онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ! Боже мой, какъ онъ ниже меня по своимъ понятіямъ, и какъ я безконечно ниже его въ моемъ передъ нимъ превосходствѣ“.

Но если и встрѣчались съ Лермонтовымъ такія личности, какъ Бѣлинскій, которыя могли понимать и цѣнить его, то это не могло облегчить его положенія, потому что онъ самъ относился къ нимъ подозрительно и недоувѣрчиво и охотно дѣлился съ ними только своимъ „разсудочнымъ, охлажденнымъ и озлобленнымъ взглядомъ на жизнь и людей“, утаивая отъ нихъ „надежды лучшія и голосъ благородный невѣріемъ осмѣянныхъ страстей“, т.-е. именно то, что только и нуждалось въ сердечномъ, дружескомъ сочувствіи. Да, подавивъ свои лучшія стремленія и давъ просторъ дурнымъ инстинктамъ, онъ и отъ себя то самого скрывалъ эти „надежды лучшія“ и, видя одни дурные мотивы въ своихъ личныхъ поступкахъ, онъ не находилъ и не хотѣлъ теперь находить ничего другого и въ окружающемъ. Вслѣдствіе этого у него и складывался вполне противоположный прежнимъ надеждамъ взглядъ, который такъ ясно высказываетъ Демонъ въ его „Сказкѣ для дѣтей“:

„И я кругомъ глубокой кинулъ взглядъ
И увидалъ съ невольною отрадой
Преступный сонъ подъ сѣнію палатъ,
Корыстный трудъ предъ тощею лампадой
И страшныхъ тайнъ вездѣ печальный рядъ.
Я сталъ ловить блуждающіе звуки,
Веселый смѣхъ и крикъ послѣдней муки:
То ликовалъ иль мучился порокъ!
Въ молитвѣ я подслушивалъ упрекъ,
Въ бреду любви—безстыдное желанье...
Вездѣ—обманъ, безумство иль страданье“.

Съ постояннымъ невыносимо-тяжелымъ чувствомъ, происшедшимъ отъ сознанія, что все, „что свято и прекрасно, отозвалось ему чужимъ“, съ мрачнымъ, безнадежно мрачнымъ взглядомъ на міръ, въ которомъ онъ видѣлъ „вездѣ обманъ, безумство иль страданье“, съ особенной, ему принадлежавшей, способностью постоянно

живо чувствовать всё пережитыя имъ страданія и съ полнымъ отсутствіемъ средствъ заглушать ихъ, онъ долженъ былъ въ концѣ концовъ притти къ тѣмъ мыслямъ и чувствамъ, которыя выразились въ знаменитомъ его стихотвореніи „И скучно, и грустно“. Здѣсь въ краткихъ, сжатыхъ, но сильныхъ словахъ имъ высказаны тѣ основныя убѣжденія и чувства, которыя вынесъ онъ изъ своей горькой жизни.

Онъ вынесъ прежде всего чувство глубокаго, безысходнаго одиночества, причины котораго мы уже выяснили и которое заставляло его говорить:

„И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...“

Съ потребностью къ высокой, идеальной, вѣчной любви и съ яснымъ сознаниемъ, „что чувство въ насъ не глубоко, что наше сердце измѣняетъ надеждамъ прежнимъ такъ легко“, онъ, по самой натурѣ своей, не знавшій середины, желавшій или всего, или ничего, долженъ былъ сказать:

„Любить... но кого же? на время не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно“.

Изъ всей своей погони за наслажденіями и за удовлетвореніемъ всевозможныхъ возникавшихъ у него въ это время желаній онъ не вынесъ ничего, кромѣ сознанія безсмысленности такой жизни, такъ какъ, если борьба съ препятствіями и развлекала его, то при самомъ достиженіи цѣли онъ не находилъ удовлетворенія, а ощущалъ только пустоту и скуку, отъ которыхъ надо было искать избавленія въ погонѣ за какой-нибудь другой новой и такой же безсмысленной цѣлью, безсмысленной потому, что для него не важенъ былъ результатъ, а только процессъ его достиженія; а между тѣмъ онъ чувствовалъ, что въ этой погонѣ за безсмысленными цѣлями онъ теряетъ лучшіе годы своей жизни. Выражая эти мысли, Лермонтовъ и говоритъ:

„Желанья!... Что пользы напрасно и вѣчно желать?...
А годы проходятъ—все лучшіе годы!“.

Если такимъ безотраднымъ являлось для него будущее, если онъ видѣлъ въ немъ только „напрасныя и вѣчныя желанья“, то не менѣе пустымъ, безсмысленнымъ и ничтожнымъ являлось ему и прошедшее:

„Въ себя ли заглянешь, тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все такъ ничтожно“.

Чтобы понять эти стихи, надо имѣть въ виду то рѣзкое различіе, которое существуетъ во взглядѣ на прошлое у человѣка, стремившагося въ своей жизни къ достиженію какой-нибудь, по его мнѣнію, важной цѣли, и у того, кто добивался только удовлетворенія все-

возможныхъ своихъ прихотей. Какъ у перваго всякій пережитой фактъ сохраняетъ свое значеніе и цѣну, такъ у втораго все можетъ имѣть значеніе, только когда переживается, и теряетъ его, когда пережито. Это различіе во взглядѣ на прошлое мы особенно ясно можемъ видѣть въ самомъ Лермонтовѣ. Если въ то время, когда онъ добивался въ своей жизни осуществленія лучшихъ стремленій своей природы, и самыя страданія его казались ему имѣющими смыслъ, хотя бы даже только потому, что „пороки юности преступной онъ мнилъ страданьемъ искупить“, то какъ только онъ пришелъ къ убѣжденію, что всѣ эти стремленія лишь „пустыя мечтанія“, тотчасъ же все прошлое показалось ему „не болѣе, какъ программу незначительныхъ и весьма обыкновенныхъ похожденій“. Вступая на новый путь и смотря на прошлое, какъ на незначительныя и весьма обыкновенныя похожденія, онъ ожидалъ, конечно, въ будущемъ болѣе значительнаго и болѣе необыкновеннаго, но, пройдя этотъ новый путь, онъ увидалъ, что опять въ прошломъ „и радость, и муки, и все такъ ничтожно“.

Видя такимъ образомъ бессмысленность прошлаго и будущаго, онъ долженъ былъ сознать бессмысленность и настоящаго, которое вчера было будущимъ, а завтра будетъ прошлымъ. Если бы онъ видѣлъ, что постоянная погоня за наслажденіями, постоянное исканіе сильныхъ ощущеній дастъ ему вѣчно пріятное настоящее, хотя бы при бессмысленномъ прошломъ и будущемъ, то онъ, быть можетъ, примирился бы съ этимъ, но онъ живо чувствовалъ, что страсти—это необходимыя условія минутныхъ наслажденій—охлаждютъ, исчезнутъ, онъ живо чувствовалъ, что у него все болѣе и болѣе бессмысленнымъ является и настоящее.

Такимъ образомъ, не видя въ жизни смысла ни въ ея прошломъ, ни въ ея будущемъ, ни въ ея настоящемъ, онъ долженъ былъ сказать:

„И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ,—
Такая пустая и глупая шутка“.

Такова была рѣзкая, беспощадная критика, таковъ былъ окончательный, безусловный приговоръ Лермонтова надъ жизнью, въ которой подавлены всѣ нравственныя стремленія человѣческой природы и всѣ усилія употреблены на погоню за волненіями и на удовлетвореніе всевозможныхъ эгоистическихъ инстинктовъ. Надъ *такою* жизнью, говорю я, а не надъ жизнью вообще, потому что оцѣнка жизни, признаніе ея имѣющею смыслъ или не имѣющею его, можетъ быть только субъективной. А разъ это такъ, то и нашъ приговоръ надъ ней всегда субъективенъ, всегда есть приговоръ надъ *тою* жизнью, которую мы въ себѣ чувствуемъ. Слѣдовательно, и приговоръ Лермонтова есть приговоръ надъ тою жизнью, которую онъ въ это время переживалъ.

Это мы можемъ видѣть и изъ его собственныхъ словъ, писанныхъ имъ въ томъ же 1840 году, въ которыхъ онъ высказываетъ

увѣренность въ возможность лучшей жизни даже для него. „Зачѣмъ я жилъ?“ спрашиваетъ онъ себя, „для какой цѣли я родился? А вѣрно она существовала, и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя. Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей, пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни“.

Въ этихъ вскользь брошенныхъ словахъ видны слѣды начала новаго видоизмѣненія его взглядовъ, видоизмѣненія характернаго и важнаго. Какъ, вступая въ только что описанный нами періодъ, онъ считалъ нравственныя стремленія пустыми мечтаніями, которыми можно только прикрывать единственно существующіе эгоистическіе инстинкты, такъ теперь онъ не только признаетъ ихъ существованіе, но и считаетъ ихъ „лучшимъ цвѣтомъ жизни“, безъ котораго жизнь является „пустой и глупой шуткой“. Поэтому и на происшедшую перемѣну въ своей жизни онъ смотритъ уже не какъ на освобожденіе отъ пустыхъ мечтаній и предразсудковъ, а какъ на отсѣченіе цѣлой части души, части лучшей, которая и дѣлаетъ только жизнь цѣнной. „Я“, говоритъ онъ теперь, „сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла; я ее отрѣзалъ и бросилъ—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ cadaго“.

Рядомъ съ этимъ важнымъ началомъ видоизмѣненія его взглядовъ мы видимъ появленіе и необычнаго для него чувства недовольства собой за то, что онъ съ какой то болѣзненной сладостью копаются въ своей страдающей душѣ и выставляетъ гной своихъ душевныхъ ранъ передъ людьми, которые не менѣе его несчастны, но молча подчиняются своей судьбѣ:

„Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ, —
Слезы не встрѣтишь неприличной
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ“.

Но одного сознанія своей искалѣченности было уже мало для того, чтобы выйти изъ того положенія, въ которомъ онъ находился. Прошлое воротить было нельзя — оно наложило на его душу неизгладимую печать, и отъ всей бурной и горькой жизни его у него осталось одно чувство страшной усталости, которое заставляло его желать „забыться и заснуть“:

„Ужъ не жду отъ жизни ничего я
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я бѣ хотѣлъ забыться и заснуть“.

Рядомъ съ этимъ чувствомъ страшной усталости, истощенія жизненной энергіи у него появляется и грустной ноткой звучить предчувствіе близкой кончины:

„Наединѣ съ тобою, братъ,
Хотѣлъ бы я побыть:
На свѣтѣ мало, говорятъ,
Мнѣ остается жить“.

Еще ярче выступаетъ это предчувствіе въ его стихотвореніи „Сонъ“:

„И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шель разговоръ веселый обо мнѣ.
Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая,
Богъ знаетъ чѣмъ, была погружена.
И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той,
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана,
И кровь лилась хладѣющей струей“...

Такъ говоритъ онъ въ своихъ предсмертныхъ стихотвореніяхъ. Дуэль съ Мартыновымъ послужила поводомъ къ осуществленію этого предчувствія. Князь Васильчиковъ, бывший его секундантомъ, не могъ забыть того „спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ Лермонтова передъ дуломъ направленнаго на него пистолета.“ Раздавшійся выстрѣлъ прекратилъ его жизнь, и для насъ навсегда останется тайной, какое дальнѣйшее теченіе могла бы принять жизнь этого двадцатилѣтняго титана, который по самой натурѣ своей не могъ уже продолжать жить по тѣмъ воззрѣніямъ, въ истинности которыхъ онъ началъ разубѣждаться.

Несомнѣнно только одно, что если бы ему суждено было продолжать свою жизнь и если бы онъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія, онъ все-таки сохранилъ бы то глубоко коренившееся въ его натурѣ нравственное чувство, которое вначалѣ не дало ему возможности примириться спокойно съ господствующимъ зломъ, а потомъ — когда онъ пришелъ къ убѣжденію, что въ жизни „добродѣтель лишь названіе“, и подавилъ вслѣдствіе этого дорогія для него стремленія, какъ пустыя мечтанія, — не дало ему возможности потонуть въ наслажденіяхъ, а привело его къ убѣжденію, что *такая* жизнь есть не что иное, „какъ пустая и глупая шутка“.